

NIHU Program
Islamic Area Studies

TIAS Central Eurasian Research Series
No.11

“My Biography”
of Ridā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn
(Ufa, 1323 A.H.)
with an Introductory Essay and Indexes

Edited by
Marsil N. FARKHSHATOV
ISOGAI Masumi
and
Ramil M. BULGAKOV

TIAS: Department of Islamic Area Studies
Center for Evolving Humanities
Graduate School of Humanities and Sociology
The University of Tokyo

Published by
NIHU Program Islamic Area Studies
TIAS: Department of Islamic Area Studies,
Center for Evolving Humanities,
Graduate School of Humanities and Sociology,
The University of Tokyo

7-3-1 Hongo, Bunkyo-ku, Tokyo, 113-0033 JAPAN

Copyright © 2016 Department of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humanities,
Graduate School of Humanities and Sociology, The University of Tokyo

**Marsil Nurullovich FARKHSHATOV, ISOGAI Masumi,
and Ramil Mahmudovich BULGAKOV (eds.)
“My Biography”of Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn (Ufa, 1323 A.H.)
with an Introductory Essay and Indexes**

Central Eurasian Research Series No.11
ISBN 978-4-904039-99-1

Printed by
TOKYO PRESS Co., LTD.
Shinjuku, Tokyo, Japan

NIHU Program
Islamic Area Studies

TIAS Central Eurasian Research Series
No.11

**«МОЯ БИОГРАФИЯ»
РИЗАЭДДИНА БИН ФАХРЕДДИНА
(УФА, 1323 Г. Х.)
СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ И УКАЗАТЕЛЯМИ**

Составители:
М. Н. ФАРХШАТОВ
ИСОГАЙ М.
Р. М. БУЛГАКОВ

TIAS: Department of Islamic Area Studies
Center for Evolving Humanities
Graduate School of Humanities and Sociology
The University of Tokyo

Ridā' al-Dīn b. Fakhr al-Dīn (aged 46), his wife Nūr Jamāl bt. 'Abd al-Nāsir (39), and their children. Ufa, August 4, 1905. From left to right: 'Abd al-Rahmān (18), 'Abd al-Rashīd (13), Ridā' al-Dīn, 'Abd al-Aḥad (15), Sa'īd (5), Nūr Jamāl, and Zaynab (11).

The existing photograph was reprinted in the 1970s.

Ризаэддин бин Фахреддин (46 лет), его жена Нурджамал бинт Габденнасыр (39) и дети. Город Уфа, 4 августа 1905 г. Слева направо: Габдеррахман (18), Габдеррашиит (13), Ризаэддин, Габдельахат (15), Сагит (5), Нурджамал и Зайнап (11).

Фотокопия 1970-х гг.

Contents / ОГЛАВЛЕНИЕ

Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn and His “Biographies” vii
РИЗАЭДДИН БИН ФАХРЕДДИН И ЕГО «БИОГРАФИИ» xxv

[Letter with a Gift]	[ПИСЬМО С ПОДАРКОМ]	◦
Biography	БИОГРАФИЯ	◦
These are printed writings	Эти сочинения напечатаны	◦
My Biography	МОЯ БИОГРАФИЯ	◦
Preface	Предисловие	◦
1 My Genealogy	Моя родословная	◦
2 Birth	Рождение	◦
3 Childhood and My Earliest Memories	Детство и мои первые воспоминания	◦
4 Education	Образование	◦
5 Books I Have Studied	Изученные мною книги	◦
6 My Teachers	Мои учителя	◦
7 Books I Copied by Hand	Книги, которые я переписал	◦
8 My Engagements with Literature and Other Affairs	Мои занятия литературой и другие интересы	◦
9 My Beliefs	Чему я верил	◦
[10] Some Important Events during My Days as a Student	Некоторые важные события времени моей учебы	◦
[11] Being an Instructor and a Student	И учащий и учащийся	◦
[12] Duties as an <i>Imām</i> in Īlbāk village	Исполнение обязанностей имама в деревне Ильбяк	◦
[13] Ufa	Уфа	◦
[14] Trips	Поездки	◦
[15] Official Biographical Note	Формулярный список	◦
[16] Family	Семья	◦
[17] Appendix	Приложение	◦
[18] My Printed Writings	Мои напечатанные произведения	◦
[19] Correspondence	Корреспонденция	◦
[20] My Personal Works	Мои личные обязанности	◦
[21] My Faith	Мое вероисповедание	◦

Indexes	УКАЗАТЕЛИ	
1. Book Titles	Названий произведений	۷۷
2. Personal Names	Личных имен	۷۹
3. Place Names	Названий населенных мест	۷۶
4. Years	Хронологический	۷۸
a) Hijri Years	дат летосчисления Хиджры	۷۸
b) Julian Years	дат Юлианского календаря	۷۹
5. Government, Administrative and Judicial Organs	Государственных, административных и судебных учреждений	۸۰

* Manuscripts of “My Biography” and accompanying documents of Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn were published in facsimile by permission and courtesy of the National Archives of the Republic of Tatarstan, Kazan, the Russian Federation [۱۹۰۱، ۱۹۷۵، ص.].

List of Illustrations

1. Ridā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn, his wife Nūr Jamāl bt. ‘Abd al-Nāṣir, and their children (Ufa, 1905) iv
2. Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn, the earliest known photograph (Ufa, 1892?) ..... £

* Courtesy of the Center of Written and Musical Heritage of G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, the Russian Federation.

Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn and His “Biographies”

Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn (Riza Fakhreddinov, 1859–1936) left an indelible mark on the religious life of Russia’s Turkic Muslims during the late Romanov era and the formative period of the Soviet system.¹ As an expert in Islamic law and theology (*‘ulamā’*), a member (*chlen*) and “judge” (*zasedatel’, qādī*)² of the Orenburg Muhammadan Ecclesiastical (Spiritual) Assembly (*Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobranie*), a writer and editor of *Shūrā*, the most popular periodical among Turkic Muslims, he was well-known both in the Ural-Volga region and beyond, in the Crimea, Central Asia, and the Ottoman Empire. Through his activities in the Ecclesiastical Assembly, his name was known to practically all the Tatar and Bashkir Muslim clergy (*dukhovenstvo, dukhovnoe litso*) of the late 19th and early 20th centuries, and because of his books and writings in the Turkic printed media, he was known to those who enjoyed reading in the literary Turkic language and to many leading Russian scholars of Orientology (Vasilii V. Bartol’d, Aleksandr N. Samoilovich, Ignatii Iu. Krachkovskii, etc.). It is not accidental that his name can be found in almost all studies on the history of the Turkic Muslim communities in Russia.

The present volume offers manuscripts of “My Biography” (“Tarjumam”) and two accompanying documents of Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn in facsimile

¹ According to Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn, he was born at Kīchūchāt village (also called “Yüldāsh”) in Bugul’minskii county (*uezd*), Samara province (now the village is in Al’met’evskii district, the Republic of Tatarstan, Russian Federation) on *Jumādā II 7*, 1275 A.H. / December 31, 1858 O.S., but in the parish register (*metricheskai kniga*) his birth was recorded only on January 4 of the following year (٥٢-٥١، ١٢، ٧. ص.; numbers after the letter “ص.” in the text and the footnotes indicate editors’ pagination of the facsimiles, while the superscript numerals refer to their line numbers) which is considered to be the official date of the birth of this outstanding person of religious thought. See his biographical studies: *Башиев Ф.Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдина*. Уфа, 1996. 176 с.; Türkoğlu, İsmail, *Rusya Türkleri Arasındaki Yenileşme Hareketinin Öncülerinden Rızaeddin Fahreddin* (1858–1936), İstanbul, 2000; *Фархшатов М.Н. Фахретдинов, Ризаэтдин // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энц. словарь* / Под ред. С.М. Прозорова. М., 2006. Т. 1. С. 400–402; and so on.

² Because of his position in the Ecclesiastical Assembly, Riḍā’ al-Dīn was known within intellectual circles in the Ufa-Kazan region as “Riza kazi” (Riḍā’ qādī).

belonging to the National Archives of the Republic of Tatarstan³ in Kazan, the Russian Federation. This brief essay outlines the historical background of the author and describes the composition of the above works and provides a paleographic description, so that the manuscripts may be appreciated as a useful primary source for historical, philological and literary studies.

Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn as a Founder of the Autobiographical Genre in the Literature of the Volga-Ural Muslims

In recent years, the rich literary heritage of Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn kept in various archives and libraries⁴ has been actively sought out and put into academic use,⁵ making for a much better and deeper understanding of the life and work of this prominent thinker in the history of Turkic Muslims of the Volga-Ural region. One of the most important primary sources for biographical research into Riḍā’ al-Dīn is his autobiographical writings, which have gradually become increasingly available to scholars.

³ Natsional’nyi arkhiv Respubliki Tatarstan (NA RT), f. 1370: Fatikh Karimi, op. 1, d. 27.

⁴ See, for example: *Харисов А.И. Коллекция рукописей Ризаитдина Фахретдина в Научном архиве Башкирского филиала АН СССР // Южноуральский археографический сборник*. Уфа, 1973. Вып. 1. С. 168–174; *Булгаков Р.М. Новые сведения о послеоктябрьском творчестве Ризауддина бин Фахруддина (К 150-летию со дня рождения) // Гуманитарные науки в Башкортостане: История и современность: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию ИИЯЛ УНЦ РАН*. Уфа, 2007. С. 56–57; *Он же. Краткий обзор тюркских рукописей Ризаэддина бин Фахреддина и его исламоведческих работ советского периода, хранящихся в Научном архиве УНЦ РАН // Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе: Материалы III Междунар. симпозиума* (Уфа, Башкортостан, 14–16 сентября 2008 г.). Уфа, 2008. Т. 1. С. 26–46; and so on.

⁵ See, for example: *Ризаэддин Фахреддинев. Болгар вә Казан төрекләре / Китапны тәржемә итүче һәм төзүче* Э.Н. Хәйруллин. Казан, 1993. 287 б.; *Он же. Асар: 3 томда / Төзүчеләр: Л. Байбулатова, Р. Йөзмөхәммәтов, А. Салахов һ. б.; фәнни мөхәррир: М. Госманов*. Казан, 2006–2010; *Он же. Нәсел-ырыуыбыз вә қыскача тарихыбыз / [Китапны тәржемә итүче һәм төзүче* Э.Н. Хәйруллин]. Казан, 2008. 427 б.; *Он же. Һайланма әçәрзәр / Текстологик эштәрзе башкарыусы, төзөүсе, баш һүз авторы, аңлатмалар биреүсе* М. Нәзәрголов. Өфө, 2009. 304 б.; *Он же. Йыуаныс. Өфө, 2011. 1-нсе китап / Инеш һүз авторзары* Ф. Б. Хөсәйенов һәм С.М. Хөсәйенов. 224 б.; *Он же. «Манасиб диния» / Пер. с тюрк на рус. яз. Р.М. Гизетдинов // К истокам духовного наследия мусульманской культуры / Авт.-сост. Р.Л. Саяхов*. Уфа, 2013. С. 32–57; and so on.

Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn was one of the founders of the modern autobiographical genre in the literature and spiritual life of Turkic Muslims in the Ural-Volga region⁶ and readily composed autobiographical writings. It is known that there are some variations in his texts of an autobiographical character. In terms of their content, some are brief chronological notations, while others are similar to memoirs.

The earliest of Riḍā’ al-Dīn’s autobiographies available to us dates back to November 1894. It has already been published for academic use by one of the co-editors of this volume, M. N. Farkhshatov.⁷ The second, entitled “al-Tadhkira,” has come down to us as a fragmentary copy that was made by his younger brother Šālih. Farkhshatov has also made a partial translation into Russian for contemporary readers.⁸

We know that several other autobiographical writings by Riḍā’ al-Dīn may exist, but they have not yet been found. One is that mentioned by Riḍā’ al-Dīn himself in his account of his father’s life and activities in the manuscript of the third volume of *Āthār*, entitled “Tarjuma-yi ḥālim wa kūnlik daftarim.”⁹ In addi-

⁶ Of all the autobiographical works that remain to the present, we can name only three earlier works: *Khāṭir daftarī* written by the second Orenburg *muftī* of the Ecclesiastical Assembly, ‘Abd al-Salām b. ‘Abd al-Rahīm (1765–1840) in the early 19th century; a story of a journey to India by a Tatar merchant, Ismā‘īl; and a travel account about the *ḥajj* pilgrimage to Mecca by a famous ‘ulamā’, Shihāb al-Dīn al-Marjānī (1818–1889). It is noteworthy that the first printed versions of these atypical works were put out by Riḍā’ al-Dīn. See Mullā Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn (ed.), *Riḥlat al-Marjānī*, Kazan, 1898; Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn (ed.), *Ismā‘īl siyāḥatī*, Kazan, 1903; Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn (ed.), “‘Abd al-Salām muftīning khāṭir daftarī,” *Shūrā* no. 18–19, 21–24 (1913), no. 1, 3, 7, 9–10 (1914), Orenburg. Riḍā’ al-Dīn was, of course, acquainted with some other memoirs or biographical works known among Muslims in the Volga-Urals at the time (for details, see Ризаэтдин бин Фахретдин. Шималь төрекләреннән булган үз сәяхәтчеләремезнең сәяхәтнамәләре // Нәсел-ыруыбыз вә қыскача тарихыбыз. Б. 50–54. See also ١٩ .ص).

⁷ Фахретдинов Р. Автобиография / Транслитерация, пер. на рус. и башк. яз., коммент. и публ. М.Н. Фархшатова // Баишев Ф.Н. Указ. соч. Приложение. С. 153–163 (its original manuscript belongs to the Scientific Archives of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Nauchnyi arkhiv Ufimskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, NA UNTs RAN), f. 7: Rizaitdin Fakhretdinovich Fakhretdinov, op. 1, d. 10 (*staryi akt*), l. 544–547).

⁸ Ризаэтдин бин Фахретдин. Ал-Тазкира / Пер. на рус. яз., коммент. и публ. М.Н. Фархшатова // Баишев Ф.Н. Указ. соч. Приложение. С. 163–165 (its manuscript is kept in NA UNTs RAN, f. 7, op. 2, d. 11, l. 98–108).

⁹ Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn, *Āthār*, vol. 3 (manuscript), NA UNTs RAN, f. 7, op. 1,

tion, Şälih, Riḍā’ al-Dīn’s brother, wrote a memoir in 1960–1965 in which he mentioned that, according to Zaynab bt. Muḥammad Laṭīf, Riḍā’ al-Dīn had kept a handwritten piece “Kūrganlarim wa mūnglārim” with his other manuscripts. Zaynab was a wife of Riḍā’ al-Dīn’s elder son, ‘Abd al-Rahmān.¹⁰

Among Riḍā’ al-Dīn’s manuscripts belonging to his Ufa collection, there is a “List” of his unpublished works written in Cyrillic letters but with his own signature (without a date, but doubtless written after the Revolution of 1917). Numbers 5 and 9 on the list are writings entitled “Tarzhimai khaliūm” and “Iurgan iirliarem va kurgan il’liarem.”¹¹ He also wrote of his last work: “It tells about our trip to honored Mecca in 1344 A.H. (1926 A.D.) to attend the World Muslim Congress at the invitation of the Padishah of Hijāz, ‘Abd al-‘Azīz b. al-Sa‘ūd, 493 pages.”¹²

Therefore Riḍā’ al-Dīn is one of the founders of the literary genre of modern autobiography among the Tatars and Bashkirs, and in it he was followed by ‘Abd al-Rashīd Ibrāhīmuf (1857–1944), ‘Ālim-jān Bārūdī (1857–1921), ‘Abd Allāh Būbī (1871–1922), and other Tatar and Bashkir intellectuals.¹³

Riḍā’ al-Dīn’s “Biographies” of 1905 written in Ufa

It is obvious that Riḍā’ al-Dīn had the definite intention of recording dates and events in his life, as we can see in the autobiographical writings that he himself entitled “My Biography” (“Tarjumam”) and “Biography” (“Tarjuma-yi ḥāl”). He wrote them in Ufa in the early 20th century, from summer to autumn in 1905. The former is extensive, while the latter is a brief biographical notice,¹⁴ and both

---

d. 12 (*staryi akt*), l. 168 ob. See also Acap. Казан, 2014. Т. 3–4. С. 212.

¹⁰ Şälih b. Fakhr al-Dīn al-Kīchūchātī, “Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīnning tarjuma-yi ḥālī,” in NA UNTs RAN, f. 7, op. 2, d. 11, l. 87–88.

¹¹ NA UNTs RAN, f. 7, op. 1, d. 12 (*staryi akt*), l. 336 ob.

¹² Ризаэддин бин Фәхреддин. Шималь төрекләреннән булган үз сәяхәтчеләремезнең сәяхәтнамәләре. Б. 54.

¹³ Габдерәшиф Ибраһимов. Тәржемәи хәлем. Казан, 2001. 136 б.; Габдулла Буби. Бубый мәдрәсәсенең қыска тарихы // Бертуган Бубыйлар һәм Иж-Бубый мәдрәсәсе / Тарихи-документаль жыентык / Төзүчеләр Р. Мәрданов, Р. Миңнуллин, С. Рәхимов. Казан, 1999. Б. 14–105; Галимҗан һазрат Баруди. Памятная книжка (Хәтер дәфтәре) / Пер. на рус. яз. Э. Нигматуллин; авт. предисл. Р. Мухаметшин. Казань: Иман, 2000. 147 с.; and so on.

¹⁴ For more detail, see below.

now belong to the National Archives of the Republic of Tatarstan.¹⁵ They have been partially published for academic readers, having been transcribed and translated into contemporary Tatar and Russian. There is also a Cyrillic transliteration of them.¹⁶

We can extract much information about the situation in which these informative autobiographical works were created, not just from their dates and the place where they were written, but also from the author's dedicatory letter to his nephew, Muhammad Fātiḥ b. Ghilmān al-Karīmī (Fātiḥ Karīmī, 1870–1937) [◦ .ص], a famous Tatar publisher, writer and journalist.¹⁷

On February 17, 1891 [ؑ .ص], Riḍā' al-Dīn came to Ufa at the invitation of the Orenburg *muftī*, Muḥammad-yār Sultānuf (1837–1915, in office from 1886 until his death). Before that, he had lived in the remote village of Īlbāk in Bugul'minskii county, Samara province (this village is now in the Aznakaevskii district of the Republic of Tatarstan) where he had worked from July 11, 1889 as an *imām-khatīb* (head of a Muslim community and a preacher) and a *mudarris* (a teacher at a *madrasa*, a religious educational institution of a higher level¹⁸). In Ufa, he started his state service as a “judge” (*zasedatel'*, *qādī*) of the Orenburg Muhammadan Ecclesiastical Assembly by appointment of the Ministry of Internal Affairs (he himself called this institution *Ūrinbūrgh dūkhāwnūy šubrāniya*

¹⁵ NA RT, f. 1370, op.1, d. 27. Fātiḥ Karīmī's documents and materials were handed to the main historical archive of Tatarstan by his relatives in December 1971. See Краткая аннотация о фонде Фатиха Карими в Национальном архиве Республики Татарстан // Фатыйх Кәрими: Фәнни-биографик жыентык / Төзүче-авторлар: Р. Мәрданов, Р. Миннүллин, С. Рәхимов; фәнни мәхәррир М. Госманов. Казан, 2000. С. 286–287.

¹⁶ See Ризаэтдин Фәхретдин: Фәнни-библиографик жыентык = Ризаэтдин Фахретдинов: Научно-биографический сборник / Сост. Р. Марданов, Р. Миннүллин, С. Рахимов. Казань, 1999. С. 7–38, 81–110; Ризаэтдин Фәхретдин. Тәржемәи хәлем / Автор предисловия М. Гайнетдин. Казан: Иман, 2009. 79 с.

¹⁷ For details, see Фатыйх Кәрими: Фәнни-биографик жыентык. 320 с.; Гатин А.А. Фатих Карими: Педагогическая и общественно-политическая деятельность: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. 27 с.; 長繩宣博「ロシア・ムスリムが見た 20 世紀初頭のオスマン帝国——ファーティフ・ケリミー『イスタンブルの手紙』を読む」、中嶋毅（編）『新史料で読むロシア史』、山川出版社、2013 年、92～110 頁 (Naganawa, Norihiro, “The Ottoman Empire from the Point of View of a Russian Muslim: Reading Fātiḥ Karīmī’s *Letters from Istanbul*” [in Japanese]); and so on.

¹⁸ As a rule, *madrasas* of Russian Muslims till the early 20th century included Quranic schools of a primary level, i.e. *maktabas*. See for example, Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период: 60–90-е годы XIX в. М., 1994; *Он же*. Медресе // Башкирская энциклопедия: [В 7 т.]. Уфа, 2008. Т. 4. С. 155; *Он же*. Мектеб // Там же. С. 162.

mahkaması, *Ūrinbūrgh jam ‘iyat-i islāmīya mahkaması*, or *Ūrinbūrgh dīn-i muhammadī mahkaması* [۱۸۹۰، ۱۸۹۷، ۱۹۰۲]. In this “higher” state institution for the management of Muslim affairs in Inner Russia, he acquired a great reputation and gained respect in a short time. In the period 1893–1902, the Minister of Internal Affairs appointed him as a member of the Ecclesiastical Assembly by recommendation of the *muftı* four times in succession [۱۹۰۱، ۱۹۰۴].

In the Ecclesiastical Assembly Riḍā’ al-Dīn worked a great deal, with all his might [۱۹۰۲–۱۹۰۳].¹⁹ His successful administrative work did not go unnoticed, and he was awarded silver (in 1894) and gold (in 1897) medals “For Diligence” with the St. Stanislas ribbon [۱۹۰۲، ۱۹۰۷] by the government. He received the title of *ākhund* in 1891, and in 1905 he was made a hereditary honorary citizen. In addition, he spent a lot of his time on historical-biographical research in Ufa, the results of which were published in the first eleven parts of his famous bio-bibliographical work, *Āthār*²⁰ and in *Mashhūr khātūnlar* (Orenburg, 1904). He was also engaged in literary work, writing religious and moralistic books for various social groups of local Muslims.²¹

Despite all the advantages and privileges he enjoyed there (it is probably enough to note that his annual salary was 800 rubles in 1903, a rather considerable amount for that time) [۱۹۰۲، ۱۹۰۳], Riḍā’ al-Dīn gradually became frustrated with the situation there, mainly due to the restricted authority and legally undefined jurisdiction of the Ecclesiastical Assembly. To cope with the situation, he prepared a draft plan for reforming it at the request of the *muftı*, which was intro-

¹⁹ For details, see Загидуллин И.К. Деятельность Р. Фахреддина в Оренбургском магометанском духовном собрании (1891–1906 гг.) // Научный Татарстан. Казань, 2009. № 2. С. 146–158; 磯貝真澄「ヴォルガ・ウラル地域におけるムスリムの遺産分割—その制度と事例」、堀川徹・大江泰一郎・磯貝健一（編）『シャリーアとロシア帝国—近代中央ユーラシアの法と社会』、臨川書店、2014年、103～129、xviii～xx 頁 (Isogai, Masumi, “Legacy Division among Muslims in the Volga-Ural Region: the Institution and an Example” [in Japanese]); 磯貝真澄「19世紀後半ロシア帝国ヴォルガ・ウラル地域のムスリムの遺産分割争い—オレンブルグ・ムスリム宗務協議会による「裁判」とイスラーム法」、『東洋史研究』74(2)号、2015年、1～32 (386～355) 頁 (Isogai, Masumi, “A Dispute over an Inheritance among Muslims in the Volga-Ural Region of the Russian Empire in the Late 19th Century: “Litigation” and Islamic Law in the Orenburg Muhammadan Ecclesiastical Assembly” [in Japanese]).

²⁰ Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn, *Āthār: Mamlakatimizda ülān islām ‘ālimlarīning wa mashhūr kīmsalarīning tarjuma wa ṭabaqalarī, tārīkh-i wilādat wa wafātilarī wa bāshqa ahwällarī haqqında yāzilmış kitābdir*, 1–11 parts, Kazan and Orenburg, 1900–1905.

²¹ For details, see Ризаэддин Фәхретдин. Биобиблиографик күрсәткеч / Төзүче Р.Ф. Марданов. Казан, 2003. Б. 47–57.

duced at the congress of ‘ulamā’ (*‘Ulamā’lar majlisī*) in Ufa in April 1905.²² In essence, his draft asked that the Assembly be given the status of an institutional body with religio-cultural autonomy for the Muslims of Inner Russia. Though Russia was already filled with revolutionary sentiment at that time, there was little chance that the central government would accept the draft, as can be seen from subsequent events. His disappointment with the Assembly was openly expressed in his book published a year later.²³

Thus, in May 1906, having resigned from his post as a member of the Ecclesiastical Assembly, he left Ufa for Orenburg at the invitation of the Ramīyif brothers, Muḥammad Shākir (1857–1912) and Muḥammad Dhākir (1859–1921),²⁴ renowned entrepreneurs in the field of gold mining and philanthropists. In Orenburg, he started a new career as a journalist with the position of second editor of the newspaper *Waqt* which had been founded by the Ramīyif brothers themselves. This newspaper was considered one of the most trustworthy and authoritative Turkic periodicals at that time. Its editor was Fātiḥ Karīmī, and the first issue was published on February 21, 1906.²⁵ At the beginning of 1908, Riḍā' al-Dīn became the chief editor of the periodical *Shūrā* which the Ramīyif brothers founded especially for him.²⁶ He stayed in Orenburg, a city located on the border between Europe and Asia, until January 1918.²⁷ It was in this city that his scholarly and creative activities reached their peak.

The invitation to Orenburg offered Riḍā' al-Dīn a unique opportunity to leave the Ecclesiastical Assembly which no longer was able to satisfy his expectations. He expressed profound gratitude to his nephew, Fātiḥ Karīmī, for serving as a liaison with the Ramīyif brothers and for that reason, he dedicated to him his auto-biographical writing (or perhaps writings), including further important facts and events that had occurred during the forty-seven Hijri years of his life so far.

²² See Mūsā Bīgīyif (ed.), *İslāhāt asāslarī*, Petrograd, 1917, pp. 39–41; Хабутдинов А.Ю. «Голяма жэмгыяте» апреля 1905 г. и проекты реформ Ризы Фахретдина // Инновационные ресурсы мусульманского образования и культуры: Вторые Фахретдиновские чтения: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2011. С. 30–35.

²³ Riḍā' al-Dīn b. Fakhr al-Dīn, *Rūsiya musulmānlarīning iħtyājlari* wa ānlar haqqinda intiqād, Orenburg, 1906.

²⁴ See “Maħallī khabar,” *al-Ālam al-islāmī*, Ufa, May 27, 1906, pp. 6–7.

²⁵ See Гайнанов Р.Р., Марданов Р.Ф., Шакуров Ф.Н. Татарская периодическая печать начала XX века: Библиогр. указ. Казань, 2000. С. 71.

²⁶ Мәрданов Р.Ф. Шура журналының библиографик курсөткече. Казан, 2000.

²⁷ See Fātiḥ Karīmī, “Riḍā' al-Dīn ḥađrat kītū,” *Yāngī waqt*, Orenburg, February 26, 1918, p. 3.

Unfortunately, we do not have enough space here to introduce the contents of his “Biographies” in great detail and will have to be satisfied with referring to some points that have special significance for those who study Rıdā’ al-Dīn’s life and works, as well as the religious life of Muslims in the modern Ural-Volga region.

Chapters 4–8 and 11 of his extensive “My Biography” are entitled “Tahṣīl” (chapter 4 “Education”) [٢٤–٢٠ .ص.], “Ūqūmish ūlān kitāblarim” (chapter 5 “Books I have studied”) [٢٦–٢٤ .ص.], “Ustādhlarim” (chapter 6 “My teachers”) [٢٧–٢٦ .ص.], “Kūchirüb yāzdīghim kitāblar” (chapter 7 “Books I copied by hand”) [٢٨–٢٧ .ص.], “Adabīyāt īla ishtiqāhālim wa ghayr ahwāl” (chapter 8 “My engagements with literature and other affairs”) [٣٦–٢٩ .ص.], and “Ham mu‘allim ham muta‘allim” (chapter 11 “Being an instructor and a student”) [٤٧–٤٣ .ص.], which are characterized by particularly detailed descriptions. They deal with Rıdā’ al-Dīn’s two-decade-long scholarly life ranging from his student days to the period when he participated in educational activities as a *khalīfa*, an assistant of the *mudarris*, in a *madrasa* in Nizhnie Shel’cheli (Tūbān *Shalchilī*) village in Bugul’minskii county, Samara province (the village is now in Leninogorskii district, the Republic of Tatarstan) [٢٣ ، ٢٠ ، ١٢ ، ٧ .ص]. The *madrasa* was located about twenty *versts* away from his home village and he studied and taught there until May 21, 1889. In these chapters he enumerates almost all the “textbooks” and reference books then widely used among students at *madrasas*, as well as the titles which were studied voluntarily or transcribed by them. The information has to be considered extremely valuable, for few other primary sources give such a minute and accurate description of the learning process and various aspects of life in traditional educational institutions supported by the Muslim subjects of Inner Russia. It must be noted here that the information provided by Rıdā’ al-Dīn has been used by one of the co-editors of this volume in an attempt to reproduce the curriculum adopted at Tatar and Bashkir *madrasas* from the 1860s to the 1880s.²⁸

It is noteworthy that Rıdā’ al-Dīn issued critical assessments of long-held *madrasa* curricula and the educational methods and tools used among Tatars and

²⁸ See 磯貝真澄「19世紀後半ロシア帝国ヴォルガ・ウラル地域のマドラサ教育」『西南アジア研究』76、2012年、1~31頁(Isogai, Masumi, “*Madrasa Education in the Volga-Ural Region of the Russian Empire, the Second Half of the 19th Century*” [in Japanese]); Исогай М. Опыт реконструкции программы обучения в традиционных медресе Урало-Поволжья по сведениям Ризаэддина бин Фахреддина // Актуальные проблемы современного литературоведения и литературы, фольклористики и археографии: К 85-летию академика АН РБ, профессора Г.Б. Хусаинова: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2013. С. 318–329.

Bashkirs, considering that he advocated changes in all spheres of the social life of local Muslims. He wrote that local Muslim schools had fallen behind contemporary life and developments in pedagogical thinking [٢٣-٢٤، ٢٦، ٢٨] , which meant they could not provide their students with a good enough education to learn both the Islamic tenets and practical knowledge for life [٢٣-٢٤، ٥٧، ٣٤، ٢٦]. Thus, Riḍā' al-Dīn wrote, as a student or *khalīfa*, he needed to study arithmetic [٢١-٢٣، ٤٦] , geography [٢٠، ٢٢-٢٤] , history [٢٠] , and some areas of Islamic *sharī'a* law, for instance, inheritance laws (*farā'id*) [٤٥] , on his own. He also wrote textbooks based on the newer pedagogical knowledge of that time, for example, *al-Tahrīr al-muṣaffā*, in a language comprehensible to his students [٤٥-٤٧] . He continued to study after leaving the *madrasa*. In Ufa, to cite a case, he acquired familiarity with the spelling rules of his mother tongue, with its many loanwords from Arabic and Persian, and pursued knowledge to a higher level in various disciplines: arithmetic, history, geography, the Arabic language, Islamic jurisprudence (*fīqh*), Quranic exegesis (*tafsīr*), and Hadith studies [٥٥-٥٦] . He felt really bitter that there were no lessons in the Russian language in *madrasas*, as a result of which students, and himself, were ignorant of the state language indispensable to their practical life [٣٤-٣٥] .

At the same time Riḍā' al-Dīn evaluated *madrasas* more positively as traditional educational institutions for local Muslims. For example, he mentioned that there were teachers who could explain the true meaning of Quranic texts, relying on appropriate literature [٢٨] , or could develop affection for books in students' minds, and so on. It is not accidental that he clearly remembered his *madrasa* days with love, and made visits to his beloved *madrasa* in Nizhnie Shel'cheli village when the opportunity arose [٤٩] .

The biographical memoir, "My Biography," also has specific information about the author's family tree [٤٢، ٥٢-٥٣] , his childhood [١٢-١٤] , and features of his personality and his abilities, for example, his desire from childhood to understand the reasons for, and the essence of, various events and phenomena [١٥-١٨] , his determination to continue his self-education [٥٥-٥٦] , his affection for books and his intention to set up his own library [٣٥] , his poor memory [٣٥] , his tolerance for religious polemics among Muslims [٣٦] , his unemotional but critical stance regarding some traditional practices in Muslim societies [٤٠-٤١] , and his attitude of humility toward his own career achievements [٦٣] . In addition, there are descriptions of everyday life and discussion on various matters, including the belief in *jinn*s among students in a typical village *madrasa* [٣٠-٣٢] , and the living conditions and economic situation of Tatar and Bashkir 'ulamā'

[٥٠ ، ٢١ ، ١٣ ص.]. Riḍā’ al-Dīn also spoke of his literary activities, his views on educational issues, and his world view or faith [–٥٤ ، ٤٧–٤٢ ، ٢٣–٢٢ ، ٢٠–١٨ ص. ٦٤ ، ٦٢]. He even mentioned some people’s attitudes toward his literary works [٦١–٦٠ ص.].

On the whole, Riḍā’ al-Dīn wrote so modestly, that some facts and events, in which our contemporary academic readers might be interested, remained without comment or description by him. In his discreet way of self description and his tendency to talk only about his surroundings, “My Biography” is similar to similar works by Russian autobiographers of the late 18th and 19th centuries.²⁹ Because of its distinctive originality and abundant information, we have been encouraged to publish “My Biography” in facsimile for academic benefit. In fact, the original documents of “My biography” together with the brief “Biography” and a letter allow us to make various assumptions about the reasons for, and the process of, their creation. R. M. Bulgakov, one of the co-editors of this volume, makes such an attempt below, and we would like our readers to consider and evaluate his conclusions and to share in these interesting arguments.

Composition, Paleographic Description, and the Language of the Manuscript of the “Biographies”

The original manuscript published here consists of two notebooks designed for use in schools and a sheet of paper, which are bound together in the form of a single book with a common front cover. The manuscript itself is covered with a green-and-white checkered dust jacket where we can find the following short sentence written in Tatar, in a white cell located on the right half of the obverse side: ”بۇ دفتىر رضا الدىن بن فخر [!] الدىن آخون [!] حضرتلىرىنىكىر“ (This is the notebook of Riḍā’ al-Dīn b. Fahr al-Dīn āhūn hadratları). There is also another note written in Russian and made in blue ink by the hand of an unidentified person: “Автобиография Риза [!] Фахрутдинова” (Autobiography of Riza Fakhrutdinov). On the left half of the reverse side, we find a product label including specifications sanctioned in 1970. The size of the dust jacket is 23 × 18 cm.

The front cover of the manuscript was originally attached to a notebook produced by the company “N. K. Blokhin in Ufa” with the trade name “No.16.” On both its sides, with the exception of the left half of the obverse side, there are photographs of educational institutions located in Ufa at that time. In the upper left margin of the left half of the obverse side, we find a short text consisting of

²⁹ See Тармаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв.: От рукописи к книге. М., 1991. С. 35.

seven lines and written in blue-green ink by an unidentified person, which speaks about the contents of the book and the role played by Ridā' al-Dīn in its creation. The latter part of the text begins with the following words: "Ridā' al-Dīn ḥadrat Fakhr al-Dīnuf's biography" (رضاء الدين حضرت فخر الديين نک ترجمهٰ حالی). The text ends with a passage that reads "it was composed by himself" اوزى طرفدان ترتیب (اینگان). It must be noted here that this last passage is placed immediately after the following words which appear to have been deleted hastily: "by his own hand" (با خود بسته). The size of the notebook in which "My Biography" was written is 22.4 × 17.9 cm. In this volume, we have reproduced the original manuscript in the form of a facsimile at a proportionally reduced size which corresponds to 71% of the original.

The text of the manuscript is written on both sides of the sheets of paper which are of the same sort and designed originally for classroom use. Each page is divided into nine-square-millimeter cells in which letters are written, and each slip of paper has both the page and the two types of folio number represented by Arabic-Indic and Arabic (or "European") numerals respectively.³⁰ The page number (in Arabic-Indic numerals) occupies the center of the upper margin and appears to have been written in light-violet indelible (?) pencil [٦٥-١١، ٩-ص]. Since pagination numbers are not given to blank pages, we find only 56 numbered pages in the manuscript. As to folio numbers, two different numbering systems are employed in the manuscript. The earlier folio numbers (in Arabic numerals) had been written in small letters on the upper, outer corners of odd-numbered pages *in right-to-left reading order* in ordinary graphite pencil, before the manuscript was put into the Archives. The folio numbers were assigned to only 31 leaves of the manuscript, which have text on their single or both sides [٦٥-٥-ص]. The later folio numbers were written in relatively large letters on the upper outer corners of even-numbered pages *in left-to-right order* in ordinary pencil in the Archives. These folio numbers were also assigned to 31 leaves, which have text on either one or both sides [٦٦-٦-ص]. That is, both types of folio numbering system were not assigned to three blank pages on both sides: one of them is found between ٩-٨ ص, while the other two lie immediately after ٦-٦ ص. It is also worth mentioning here that the first two leaves are arranged differently by these two numerations, that is, they are numerated as "31" and "30" according to the later numeration, while the earlier numeration gives them num-

---

³⁰ As well, the facsimile pages in this volume have the editor's pagination in Arabic-Indic numerals. As noted above, numbers after the letter "ص" in this essay mean the editors' pagination, and their superscript numerals are their line numbers.

bers “2” and “1” respectively. The total number of folio leaves in the manuscript amounts to 34.

The manuscript consists of three documents diverse in size and time of creation. Though created by the same author, they differ from each other in form and content.

The first document [٦٥–١١ ص.] consists of the full text of “My Biography.” The document begins with the title folio which contains almost all requisite elements, such as title, place of writing, and author’s name except only for the date of completion, and ends with the signature of the author. The start date of the writing is referred to in the “Preface” (سوز باشى) as follows: “Tuesday, *Jumādā II* 7, 1323 A.H. (July 26, 1905 O.S.),” i.e. the 48th birthday of Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn according to the lunar calendar [٣٢–١١ ص.].³¹ And shortly after mentioning this date, the author writes that he felt the need to write his biography [١١ ص. ^٩ (ترجمه حالی یازمک ارزو سندم)]. In the title folio two different distiches with a melancholy tone in Arabic and Turkic are written as an epigraph. The Arabic distich (*bayt*) is drawn from *al-Kashkūl*, an anthology by Bahā’ al-Dīn al-Āmilī:

Oh you, bygone days!
I sincerely tell you that peace be upon you!³²

However, the author of the Turkic distich translated below cannot be identified:

We leave, while you stay here, one day.
We die, as if we never had come here, one day.

With the same sentiment as in the verses shown above, the author closes his biography [٦٥–٦٤ ص.] with various poetic verses, one of which is a distich on prayer (*salāt*) and fasting (*sawm*), which was originally composed by the second caliph ‘Umar b. al-Khaṭṭāb as he was dying of a mortal wound he had received and later quoted by Ibn al-Athīr.³³ The other verse cited here by the author is a short poem (*qit‘a*) referring to the Hereafter (*dār al-baqā’*) and taken from *Dīwān* of ‘Umayya Abū al-Salt b. ‘Abd al-‘Azīz al-Dānī al-Andalusī, that is, “the

³¹ The day was, in fact, July 27, Wednesday O.S. in 1905.

مجاء الدين العاملی، تحقيق: الطاهر احمد الروای، الكشكول، الجزء الاول، القاهرة: الهيئة العامة لقصور الثقافة، ١٩٩٨ م، ص. ١٥٣.

ابن الاثیر، تحقيق: ابی الفداء عبد الله القاضی، الكامل فی التاریخ، المجلد الثاني، دار الكتب العلمية، ١٩٨٧ م، ص. ٤٤٨.

last words pronounced by him ..., which he ordered to be inscribed on his own tomb.”³⁴ Finally, we should mention that in the “Preface” of “My Biography,” Ridā’ al-Dīn nominates the addressees of the work by expressing his expectation that it could be a kind of commemorative *gift for his children and grandchildren* [ص. ۱۱] (کندی اولاد و احفادلرمه بلکه بر يادکار اوله بیلور).

The second document [ص. ۵], which lacks a title, contains the full text of a letter dated *Rajab* 27, 1323 A.H.,³⁵ the signature of the addresser, the place of writing, and the name of the addressee, i.e., Muhammad Fātiḥ afandī (محمد فاتح مكافات) (فندی), who is called “brother” (برادر) by the addresser. According to the text, the addresser wanted to give the addressee some sort of *gift* (هدیه) as a reward (مکافات) (اویلچ اوزره دوام ایتمکده). Incidentally, it is noteworthy that the word “gift” appears four times in only eight lines of the text. After a long deliberation, the following idea occurred suddenly to the addresser: “Wouldn’t it be nice if I wrote my biography and sent it to him?” (کندی ترجمه‌ی یازوب کوندرر ایسم نیچه اولور), “The most suitable gift for him is this!” (ایشته اک مناسب هدیه بودر). “Deciding to do so,” the addresser says, “I scribbled on this paper and sent in to you” (دیدم ده اوشو کاغدلری) (قارالمغله سکا کوندردم). In other words, once Ridā’ al-Dīn decided to *write* his biography and make a *gift* of it, he indeed “scribbled” his brief “Biography” and sent it (see “the third document” below). It must be noted that what was sent to Muhammad Fātiḥ then did not seem to be “My Biography” (see “the first document”) completed earlier, but the brief “Biography” referred to in this letter. *The second document* is, in essence, a *letter* informing the addressee about the *gift* sent by the addresser. Speaking more clearly, the letter, i.e. the second document, and “the gift,” i.e. the third document, constitute a unity which should be labeled “the letter and gift.”

The third document [ص. ۷-۸], the brief “Biography,” which does not contain such information as place and date of writing or the author’s name has to be considered the “gift” mentioned above. The document is written in the third person (thus the title of this document lacks the possessive affix of the first person) and takes on the character of “*iqtibās*” (اقتباس), the word found in the first document which means “borrowing” or “citing,” that is, the third document was created by way of borrowing various words that appeared in “My Biography,” the first document. For instance, the author uses the word “*mihnat*” (محنت) meaning “pain” or “suffering” in the first document, when he wrote the following sentence: “My

³⁴ Mac Guckin de Slane (tr.), *Ibn Khallikan’s Biographical Dictionary*, vol. 1, Paris, 1843, p. 230.

³⁵ September 14, 1905 O.S.

pen is unable to describe all the joys and *pains* [that occurred in bygone days]” ص. ١١ [راحت و مختلری تمام یازمیه [!] قلم مقتدر دگلدر]. This word, “*mihnat*,” appears to be taken especially by the author from *the first document* to make the following sentence found in *the third document*: “[Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn] came to this world similar to the abode of pains” ص. ٧ [بو محنت یورتی اولان دنیا یه کلدی]. If it is valid to say that the third document is a product of the first document in terms of content, it may also be true that the third document owes its origin to the second document. Since the third document lacks such elements as author’s signature, date and place of creation which are considered requisite for being an independent document, it must be regarded rather as an attachment to the second document, only by which we can get information about the time and purpose of its creation, the circumstances surrounding the author at the time, and the addressee. The way the author made the connection between these two documents also deserves to be noted here. The author filled the upper outer corner of the obverse side of each document with the name of Muhammad Fātiḥ Karīmī محمد فاتح (کریمی), i.e. the addressee of both the second “letter” [ص. ٥] and the third “gift” [ص. ٧] documents, with red pencil to show the connection between the two documents. While the third document, as already mentioned, has its roots in the first document, the latter also served as source material for the second. The first document, i.e. “My Biography,” provided the “letter” with its subject, while serving as a depository of different words to be cited in the “gift.”

The second and the third documents are two sheets of paper in folio, which are different from one another. Before the manuscript was put into the Archives, the second document, i.e. the letter, had already been bound to the first document, i.e. the notebook, with a common folio number assigned. The numbers assigned to the second document are 2 on the right side of the leaf [ص. ٦-٥] and 17 on the left side [ص. ٣٨-٣٧]. On the other hand, the third document, i.e. the brief “Biography,” was not bound to the notebook. It was just *enclosed* before the first page of the notebook and was given the folio number 1 [ص. ٨-٧]. After all, the earlier folio number in Arabic was assigned in this order, as the “Biography” was put just before the letter. Before the later folio number was assigned, the third document, i.e. “Biography,” had been sewn and bound to the notebook, i.e. to the first document, between the letter and the title page of the first document. And in the Archives, when the later folio number was assigned, the third document was given number 30. Now, all the documents have folio numbers in *left-to-right order*, which is in reverse chronological order according to the dates of composition, that is, the letter, “Biography,” and “My Biography.”

The author of all three documents is undoubtedly Riḍā' al-Dīn b. Fakhr al-Dīn, but not all of them seem to be written in his hand. In the manuscript there are three different handwritings in the *naskh* style. The first document [٦٥–١١ ص.], "My Biography," cannot be the original handwriting of the author but a copy. It was written with a fine and hard point pen. The handwriting is slightly left-slanted, proportional, neat, angular, and small, which seems to have been the result of writing slowly. The Arabic-Indic numerals were written in a mixed manner of eastern (as in the Persian and the Chagatay Turkic languages), western (as in Arabic and Ottoman Turkish), and the Volga-Ural styles, for example, "᳚" and "᳜" for "5", and "᳚" and "᳞" for "6." It does not seem to be Riḍā' al-Dīn's handwriting. His handwriting as it appears, at least, in the letter [០ ص.] and the biographical notice "Biography" [៨–៧ ص.], is relatively large, round, and fluid. It is not proportional, not strictly along the writing lines, not in vertical lines,³⁶ and slightly right-slanted. Their texts were written with a soft pen which left thick black traces. He used one variant of Arabic-Indic numerals, that is, "᳚" for "4," "᳚" for "6," and "᳜" for "5." The Arabic-Indic numeral "᳜" was commonly used in the Volga-Ural region, actually. Incidentally, the first document, "My Biography," was emended in the same handwriting as that of Riḍā' al-Dīn except for two points: one was made with a fine point pen and bright red ink [៩–២٥ ص.], the other was an underlining with a blue pencil of the name of the Istanbul newspaper *Waqt* (وقت). Measured by the handwriting, Riḍā' al-Dīn also wrote page numbers in the first document in Arabic-Indic numerals. Though the first document might be a copy of Riḍā' al-Dīn's original draft, which has not come down to us, the handwriting of the emendation and pagination assures us of the authenticity of his original authorship. At the same time, the title page of "My Biography" was written in Riḍā' al-Dīn's own large, fluid and attentive handwriting [៩ ص.]. In the manuscript, unfortunately, there is no evidence of who made the copy of "My Biography." Also we cannot know when and under what circumstances it was copied.

Riḍā' al-Dīn divided his long and extensive memoir of 56 pages, "My biography," into a "Preface" and 21 chapters (باب) [٤٢ ص.]. As mentioned above, it consists of two notebooks, and the first notebook has the "Preface" and nine chapters which were assigned corresponding chapter numbers. The second one has twelve unnumbered chapters, and follows the first.

All dates of the Hijri and Julian calendars found in the manuscript are written in Arabic-Indic numerals, and in this regard, we need to check whether the dates of the two types of calendar are accurately calculated.

---

³⁶ As mentioned above, according to what he said, Riḍā' al-Dīn "scribbled these papers."

The language of the manuscript is typical of Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn at that time: it is an amalgamated language on the basis of Ottoman Turkish morphological forms with Volga-Ural and Oghuz (Southwestern) Turkic vocabulary, which has some words borrowed from Arabic and a few from Persian. Arabic words commonly accepted among Russian Muslims are written without diacritical marks in the manuscript, but in an Arabic poem some words are vocalized for correct recitation [٦٥–٦٤ ص.].

The editors have made a common title page and a contents page for the three documents of the manuscript. We have also provided the documents with five types of index. In the index pages search, the results are indicated by Arabic-Indic numerals with superscripts. The numerals of ordinary size are page numbers of the book assigned by us, while the superscript numerals refer to line numbers. In the first index of book titles, we tried to check author names and the more proper titles of books referred to by Riḍā’ al-Dīn in the documents, because he always simplified those book titles well-known to the readers of that time.

The Value of Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn’s “Biographies”

Riḍā’ al-Dīn had studied in a well-known but typical traditional village *madrasa* attached to the mosque in the village of Nizhnie Shel’cheli, where his great-grandfather, Subhānqul b. Bīkmuhammad (d. 1808), had worked and taught as an *imām* and a *mudarris* for 33 years. In such family circumstances, Riḍā’ al-Dīn became a new type of religious elite among Tatar-Bashkir Muslims. As an *imām* and a *qādī*, a *muftī* during the Soviet times, a writer, a journalist, and a religious thinker, he was one of the pioneering Turkic Muslim intellectuals of the Volga-Urals, who started self-directed and multifaceted activities, though there were few books at home and no well-stocked library in the region for intellectual work. He as well as his colleagues was not backed by the government and neither did they have any strong network with the cultural centers of the Muslim world.³⁷

Therefore, his autobiographical writings allow us not only to know how he thought, but also to understand the religious-based intellectual culture of Turkic Muslims in the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries. In addition to his unique accounts, the language, the alphabet, and the paper of the documents convey the atmosphere of an era of rapid change in the history of Turkic Muslims in northernmost Eurasia.

---

³⁷ For example, see Булгаков Р.М. Муфтий Ризауддин бин Фахруддин искал утешение, обращаясь к остаткам книжной культуры // Башкирская филология: К 70-летию со дня рождения академика АН РБ З.Г. Ураксина. Уфа, 2005. С. 268–283.

Our publication in facsimile of all the documents comprising his autobiographical writings will increase the availability of these historical materials for researchers, not all of whom have the opportunity to examine the original in Kazan. It might also serve as a useful learning tool for those who wish to acquire reading skills in handwritten texts in Turkic with the Arabic script of the Volga-Ural region, and to study the “northern” periphery of the Muslim world, which, in previous times, shared common cultural phenomena with Central Asia and the Ottoman Empire as well as with the classical Arabic-Persian sphere. It is often said that there are few specialists with the classical disciplines of Orientology or Islamic Studies and in this regard, Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn’s manuscripts may be an excellent “mentor” for younger researchers.

* * *

This publication of Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn’s “Biographies” was achieved thanks to our colleagues and like-minded people, to whom we are deeply grateful. We sincerely thank the administrators of the National Archives of the Republic of Tatarstan for kindly allowing us to bring the documents to publication in facsimile. We are also grateful to the administrators of G. Ibrahimov Institute of Language, Literature and Arts, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan for kindly permitting us to publish two photographs of Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn. We are cordially thankful to Il’ias A. Mustakimov, a section head of the Division for Academic Use of Archival Documents and International Relations of the General Archival Department attached to the Cabinet of the Republic of Tatarstan, for his paleographic consultation. Many thanks to Anastasia S. Titlova, a senior lecturer of the Bashkir State University, for her help in translating this essay from Russian to English. This work was partly supported by JSPS (Japan Society for the Promotion of Science) KAKENHI Grant Number 24720327 and RGNF (Russian Foundation for Humanities) Grant Number 15-11-02022.

Marsil N. FARKHSHATOV

Institute of History, Language and Literature,
Ufa Science Center of the Russian Academy of Sciences

ISOGAI, Masumi

Kyoto University of Foreign Studies

Ramil M. BULGAKOV

Institute of History, Language and Literature,

Ufa Science Center of the Russian Academy of Sciences

РИЗАЭДДИН БИН ФАХРЕДДИН И ЕГО «БИОГРАФИИ»

В духовной жизни российских тюрков-мусульман в эпоху поздних Романовых и в период установления Советской власти неизгладимый след оставил Ризаэддин бин Фахреддин (*Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn*; Риза Фахреддинов, 1859–1936)¹. Как знаток исламского богословия и юриспруденции (*‘ulamā’*), член, или заседатель (*qādī*)² Оренбургского магометанского духовного собрания, писатель, редактор самого популярного национального журнала «*Shūrā*» он был широко известен в Волго-Уральском регионе и за его пределами, в том числе в Крыму, Центральной Азии и Османской империи. По деятельности в Духовном собрании его имя знали практические все татарские и башкирские духовные лица конца XIX — начала XX в., а по книгам и публикациям в национальной (тюркской) прессе — вся читающая на литературном языке тюрки публика, многие ведущие российские востоковеды (В.В. Бартольд, А.Н. Самойлович, И.Ю. Крачковский и др.). Не случайно Р. Фахреддинов упоминается во всех серьезных исследованиях по истории тюрко-мусульманской общины России.

---

¹ По сведениям самого Ризаэддина бин Фахреддина, он родился в д. Кичучат (другое название Юлдаш) Бугульминского уезда Самарской губернии (ныне — Альметьевский район Республики Татарстан) 7 джумада II 1275 г. х. — 31 декабря 1858 г., но в соответствующей метрической книге его рождение было зафиксировано лишь 4 января следующего года (٥٢-٥١ ،١٢ ،٧ .ص: здесь и далее все ссылки, в том числе внутри текста, после буквы .ص имеют в виду издательскую пагинацию факсимиле, номер строки на странице указан надстрочной цифрой), что и принято как официальная дата рождения этого выдающегося религиозного мыслителя. Его биографию см.: *Баишев Ф.Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдина. Уфа, 1996. 176 с.; Türkoglu, İsmail. Rusya Türkleri Arasındaki Yenileşme Hareketinin Öncülerinden Rızaeddin Fahreddin (1858–1936)*, İstanbul, 2000; *Фархшатов М.Н. Фахретдинов, Ризаэтдин // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энц. словарь / Под ред. С.М. Прозорова. М., 2006. Т. 1. С. 400–402; и др.*

² По этой занимаемой в Духовном собрании должности Риза Фахреддинов в образованных кругах Уфимско-Казанского края и стал широко известен как Ризакази (*Riḍā’ qādī*).

Данное издание представляет собой факсимиле рукописей сочинения «Моя биография» («*Tarjimat*») и сопутствующих ей двух документов, написанных Р. Фахреддиновым и хранящихся ныне в Национальной архиве Республики Татарстан (г. Казань, Российская Федерация)³. В дальнейшем эти первоисточники могут стать объектом как для исторических, так и для литературно-филологических академических исследований. Во вступительной к ним статье представляется общий обзор исторической эпохи, в которой жил их автор, раскрывается кратко содержание автобиографических записок, дается их палеографическое описание.

**Ризаэддин бин Фахреддин —
зачинатель биографического жанра
в литературе мусульман Урало-Поволжья**

В последние десятилетия богатое письменное наследие Ризаэддина бин Фахреддина, разбросанное по разным архивам и библиотекам⁴, активно выявляется и вводится, или вводится заново в научный оборот⁵, что

---

³ Национальный архив Республики Татарстан (далее — НА РТ). Ф. 1370: Фатих Карими. Оп. 1. Д. 27.

⁴ См., например: Харисов А.И. Коллекция рукописей Ризаитдина Фахретдина в Научном архиве Башкирского филиала АН СССР // Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1973. Вып. 1. С. 168–174; Булгаков Р.М. Новые сведения о послеоктябрьском творчестве Ризауддина бин Фахруддина (К 150-летию со дня рождения) // Гуманитарные науки в Башкортостане: История и современность: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 2007. С. 56–57; Он же. Краткий обзор тюркских рукописей Ризаэддина бин Фахреддина и его исламоведческих работ советского периода, хранящихся в Научном архиве УНЦ РАН // Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе: Материалы III Междунар. симпозиума (Уфа, Башкортостан, 14–16 сентября 2008 г.). Уфа, 2008. Т. 1. С. 26–46; и др.

⁵ См., например: Ризаэддин Фәхреддинев. Болгар вә Казан төрекләре / Китапны тәрҗемә итүче һәм төзүче Э.Н. Хәйруллин. Казан, 1993. 287 б.; Он же. Асар: 3 томда / Төзүчеләр: Л. Байбулатова, Р. Йөзмөхәммәтов, А. Салахов һ. б.; фәнни мөхәррир М. Госманов. Казан, 2006–2010; Он же. Нәсел-ырыбыз вә қыскача тарихыбыз / [Китапны тәрҗемә итүче һәм төзүче Э.Н. Хәйруллин]. Казан, 2008. 427 б.; Он же. Һайланма әсәрзәр / Текстологик эштәрзә башкырысы, төзөүсе, баш һүз авторы, аңлатмалар биреүсе М. Нәзерголов. Өфө, 2009. 304 б.; Он же. Йыуаныс. Өфө, 2011. 1-нсе китап / Инеш һүз авторзары F.Б. Хәсәйенов һәм С.М. Хәсәйенов. 224 б.; Он же. «Манасиб диния» / Пер. с тюрк. на рус. яз. Р.М. Гизетдинов // К

способствует более глубокому и полному пониманию жизни и деятельности этого неординарного мыслителя в контексте всей национальной истории. Одним из важных первоисточников для биографов Ризы-кази являются его автобиографические записки. Постепенно и они становятся доступны исследователям.

Р. Фахреддинов был одним из зачинателей биографического жанра Нового времени в духовно-литературной жизни Урало-Поволжского края⁶ и охотно делал автобиографические заметки. Нам известны тексты нескольких вариантов его автобиографий. Некоторые из них по содержанию являются короткими летописными записками, или близки к воспоминаниям.

Первая доступная нам автобиография Риза-кази датируется не ранее ноября 1894 г. и уже введена одним из авторов этих строк в научный оборот⁷. Вторая под названием «*al-Tadzhkira*» дошла до нас фрагментарно в копии, сделанной его младшим братом Салихом, и также частично

истокам духовного наследия мусульманской культуры / Авт.-сост. Р.Л. Саяхов. Уфа, 2013. С. 32–57; и др.

⁶ Из дошедших до нас сочинений биографического характера более раннего периода можно назвать разве только «*Khāṭir daftārī*», вышедшего из-под пера второго по счету Оренбургского муфтия Габдулсалама бин Габдрахима (1765–1840) в конце первой четверти XIX в., а также путевые заметки татарского купца Исмагила и знаменитого татарского религиозного деятеля Шигабутдина Марджани (1818–1889) во время поездки соответственно в Индию и в хадж — г. Мекку. Примечательно, что эти уникальные труды первым опубликовал также Ризаэддин бин Фахреддин. См.: *Riḥlat al-Marjānī* / [Басмага әзерлеүче] Mullā Rīḍā’ al-Dīn b. *Fakhr* al-Dīn. Казан, 1898. 30 б.; *Ismā‘īl siyāḥatī* / [Басмага әзерлеүче] Rīḍā’ al-Dīn b. *Fakhr* al-Dīn. Казан, 1903. 32 б.; ‘Abd al-Salām muftīning *khāṭir daftārī* / [Басмага әзерлеүче] Rīḍā’ al-Dīn b. *Fakhr* al-Dīn // *Şhūrā*. Оренбург, 1913. № 18–19, 21–24; 1914. № 1, 3, 7, 9–10. Безусловно, Риза-кази был знаком также с некоторыми другими воспоминаниями и сочинениями биографического характера, бытовавшими в то время среди мусульман Урало-Поволжья (см. подробнее: *Ризаэддин бин Фахреддин*. Шималь төрекләреннән булган уз сәяхәтчеләремезнең сәяхәтнамәләре // Нәсел-ырубызы вә қыскача тарихыбыз. Б. 50–54. См также: ۲۹. ص).

⁷ *Фахретдинов Р. Автобиография / Транслитерация, пер. на рус. и башк. яз., comment. и публ. М.Н. Фархшатова // Баишев Ф.Н. Указ. соч. Приложение. С. 153–163 [Оригинал в: Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук (далее — НА УНЦ РАН). Ф. 7: Фонд Ризаиддина Фахретдина Фахретдина. Оп. 1. Д. 10 (старый акт). Л. 544–547].*

представлена М.Н. Фархшатовым современным читателям в переводе на русский язык⁸.

Имеются также сведения о существовании еще нескольких биографий Ризы-кази, написанных им самим, но они пока не обнаружены. Одна из них упомянута автором в 3-м, рукописном, томе «Āthār» при повествовании о жизнедеятельности своего отца под названием «*Tarjuma-yi ḥālim wa kūnlīk daftarim*»⁹. Салих Фахреддинов в своих воспоминаниях, написанных в 1960–1965 гг., указывает, что по сведениям Зайнаб бинт Мухаммад-Латифа — жены старшего сына Р. Фахреддина Габдрахмана — у Ризы-кази имелось среди прочих рукописное сочинение, озаглавленное «*Kūrganlarim wa tūnglārim*»¹⁰.

В черновых бумагах Р. Фахреддина, хранящихся в его Уфимском фонде имеется «Список» его неопубликованных произведений на кирилловском алфавите за подписью самого ученого (без даты, но составленном, несомненно, после революции 1917 г.), в котором под номерами 5 и 9 помещены сочинения соответственно под названиями «Таржимаи халюм» и «Юрган ийрлярем ва курган ильярем»¹¹. Последнее сочинение автор в одной из своих работ анонсирует так: «В нем повествуется о нашей поездке в 1344 году хиджры (1926 г. по Р. Х.) по приглашению падишаха Хиджаза Габдулгазиза бин Сауда в почтенную Мекку для участия во Всемирном конгрессе мусульман, всего 493 стр.»¹².

Р. Фахреддинов, таким образом, был среди татар и башкир, одним из зачинателей литературного жанра мемуаристики Нового времени. И уже за ним последовали остальные: Габдрашит Ибрагимов (1857–1944), Галимджан Баруди (1857–1921), Габдулла Буби (1871–1922) и другие татарские и башкирские интеллектуалы¹³.

⁸ Ризаэтдин бин Фахретдин. Ал-Тазкира / Пер. на рус. яз., comment. и публ. М.Н. Фархшатова // Байшев Ф.Н. Указ. соч. Приложение. С. 163–165 (Оригинал в: НА УНЦ РАН. Ф. 7. Оп. 2. Д. 11. Л. 98–108).

⁹ Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn. Āthār. Т. 3. Рукопись // НА УНЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 12 (старый акт). Л. 168 об. См. также: Асар. Казан, 2014. Т. 3–4. С. 212.

¹⁰ Sāliḥ b. Fakhr al-Dīn Kīchīchātī. Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīnning tarjuma-yi ḥālī // НА УНЦ РАН. Ф. 7. Оп. 2. Д. 11. Л. 87–88.

¹¹ НА УНЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 12 (старый акт). Л. 336 об.

¹² Ризаэтдин бин Фәхреддин. Шималь төрекләреннән булган үз сәяхәтчеләремезнең сәяхәтнамәләре. Б. 54.

¹³ Габдерәшит Ибраһимов. Тәрҗемәи хәлем. Казан, 2001. 136 б.; Габдулла Буби. Бубый мәдрәсәсенең қыска тарихы // Бертуган Бубыйлар һәм Иж-Бубый мәдрәсәсе / Тарихи-документаль җыентык / Төзүчеләр Р. Мәрданов, Р. Миннуллин,

Уфимские «Биографии» Р. Фахреддина 1905 г.

Об устойчивом стремлении Р. Фахреддина, выдающегося религиозного и общественного деятеля Российского тюрко-мусульманского Востока, письменно фиксировать даты и события из собственной жизни наглядно свидетельствуют и автобиографические записки, названные самим автором «Моей биографией» («*Tarjutat*») и «Биографией» («*Tarjuta-yi ḥāl*»). Они были написаны в начале позапрошлого столетия (лето–осень 1905 г.) в Уфе в двух вариантах (сокращенном и пространном)¹⁴, и хранятся ныне в Национальном архиве Республики Татарстан¹⁵. Часть этих сочинений уже введена в научный оборот в переложении и переводе соответственно на современный татарский и русский языки, а также в транслитерации на кирилловский алфавит¹⁶.

Время и место написания биографий, а также их посвящение племяннику автора Мухаммад-Фатиху бин Гильман ал-Карими (Fātiḥ Karīm — Фатих Карими, 1870–1937) (◦ .ص) — видному татарскому издателью, журналисту, писателю, педагогу и общественно-политическому деятелю¹⁷ — говорят о многом и в какой-то мере способствуют пониманию

С. Рәхимов. Казан, 1999. Б. 14–105; *Галимджан хазрат Баруди*. Памятная книжка (Хәтер дәфтәре) / Пер. на рус. яз. Э. Нигматуллин; авт. предисл. Р. Мухаметшин. Казань: Иман, 2000. 147 с.; и др.

¹⁴ См. ниже.

¹⁵ НА РТ. Ф. 1370. Оп. 1. Д. 27. Документы и материалы Фатиха Карими были переданы в главный исторический архив Татарстана его родственниками в декабре 1971 г. (см.: Краткая аннотация о фонде Фатиха Карими в Национальном архиве Республики Татарстан // Фатыйх Кәрими: Фәнни-биографик жыентык / Төзүч-авторлар: Р. Мәрданов, Р. Миннүллин, С. Рәхимов; фәнни мәхәррир М. Госманов. Казан, 2000. С. 286–287).

¹⁶ См.: Ризаэтдин Фәхретдин: Фәнни-библиографик жыентык = Ризаэтдин Фахретдинов: Научно-биографический сборник / Сост. Р. Марданов, Р. Миннүллин, С. Рахимов. Казань, 1999. С. 7–38, 81–110; Ризаэтдин Фәхретдин. Тәржемәи хәлем / Автор предисловия М. Гайнетдин. Казан: Иман, 2009. 79 с.

¹⁷ Подробнее см.: Фатыйх Кәрими: Фәнни-биографик жыентык. 320 с.; Гатин А.А. Фатих Карими: Педагогическая и общественно-политическая деятельность: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. 27 с.; 長繩宣博「ロシア・ムスリムがみた 20世紀初頭のオスマン帝国——ファーティフ・ケリミー『イスタンブルの手紙』を読む」、中嶋毅（編）『新史料で読むロシア史』、山川出版社、2013年、92~110頁 (Наганава Н. Османская империя начала XX в. с точки зрения российского

обстоятельств происхождения этого весьма информативного сочинения Ризы-кази.

В Уфу Риза Фахреддинов переехал 17 февраля 1891 г. (٤٨ ص.) по предложению Оренбургского муфтия Мухаммад-Яра Султанова (1837–1915, на должности с 1886 г. до своей кончины) из глубинки — д. Ильбяк Бугульминского уезда Самарской губернии (ныне — Азнакаевский район Республики Татарстан), в соборной мечети которой он с 11 июля 1889 г. исполнял должность имам-хатиба (*imām-khaṭīb* — глава мусульманской общины и проповедник) и мударриса (*mudarris* — преподаватель медресе — религиозного учебного заведения высшего уровня)¹⁸ и стал служить по назначению Министерства внутренних дел заседателем Оренбургского магометанского духовного собрания (сам Риза-кази называл это учреждение *Ūrinbūrgh dūkhāwnūy šūbrāniya maḥkamasī*, *Ūrinbūrgh jam ‘tyat-i islāmīya maḥkamasī*, *Ūrinbūrgh dīn-i muḥammadi maḥkamasī*: ٥٠، ٤٨، ٧ ص.). В «высшем» государственном учреждении по управлению делами мусульман Внутренней России он быстро завоевал авторитет и уважение. Не случайно в 1893–1902 гг. министр внутренних дел по представлению муфтия 4 раза повторно утверждал его на должности члена Собрания на следующие трехлетия (٥١ ص.).

В Духовном собрании Риза-кази трудился много, с полной отдачей сил (٦٣–٦٢ ص.)¹⁹. Его успешный административный труд не остался не замеченным и был отмечен правительством серебряной (1894 г.) и золотой

мусульманина: по страницам «Писем из Стамбула» Фатиха Карими. На яп. яз.); и др.

¹⁸ До начала XX в. в Урало-Поволжье татарские и башкирские медресе как правило включали в себя и кораническую начальную школу — мектеб (см., например: *Фархшатов М.Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период: 60–90-е годы XIX в. М., 1994; *Он же.* Медресе // Башкирская энциклопедия: [В 7 т.]. Уфа, 2008. Т. 4. С. 155; *Он же.* Мектеб // Там же. С. 162).

¹⁹ Подробнее см.: *Загидуллин И.К.* Деятельность Р. Фахреддина в Оренбургском магометанском духовном собрании (1891–1906 гг.) // Научный Татарстан. Казань, 2009. № 2. С. 146–158; 磯貝真澄「ヴォルガ・ウラル地域におけるムスリムの遺産分割—その制度と事例」、堀川徹・大江泰一郎・磯貝健一（編）『シャリーアとロシア帝国—近代中央ユーラシアの法と社会』、臨川書店、2014年、103～129、xviii～xx 頁 (*Исогай М.* Раздел наследственного имущества у мусульман в Волго-Уральском регионе: его институт и примеры. На яп. яз.); 磯貝真澄「19世紀後半ロシア帝国ヴォルガ・ウラル地域のムスリムの遺産分割争い—オレンブルグ・ムスリム宗務協議会による「裁判」とイスラーム法」、『東洋史研究』74(2)号、2015年、1～32 (386～355) 頁 (*Она же.* Споры по наследственным делам среди мусульман Волго-Уральского

(1897 г.) медалями «За усердие» на Станиславской ленте (◦ . .ص), а в 1891 и 1905 гг. ему были присвоены звания соответственно ахуна (*ākhūnd*) и потомственного почетного гражданина. Кроме того, в Уфе им много времени уделялось историко-биографическим разысканиям, результаты которых были опубликованы в первых 11 частях его знаменитого биобиблиографического труда под названием *«Āthār»²⁰* и книге *«Mashhūr khātūnlar»* (Оренбург, 1904), литературному творчеству, составлению духовно-назидательных книг, адресованных различным слоям местного мусульманского населения²¹.

Тем не менее, несмотря на очевидные преимущества и привилегии службы в Уфе (достаточно сказать, что в 1903 г. его годовое жалование составляло приличную по тем временам сумму в 800 руб.: ◦ . .ص), со временем у Р. Фахреддина накопилось определенное внутреннее неудовлетворение положением дел, связанное прежде всего с узостью, а также юридической неопределенностью функций и возможностей Собрания. Оно вырвалось наружу в начале 1905 г., когда по поручению муфтия он составил проект реформы духовного учреждения, который был в апреле того года представлен на съезде улемов (*‘Ulamā’lar majlisī*) в Уфе²². Проект Р. Фахреддина претендовал по существу на предоставление муфтияту статуса органа религиозно-культурной автономии мусульман Внутренней России. Хотя тогда в стране уже бурлила революция, все же шансов на принятие центральными властями этих предложений было мало, что и подтвердили дальнейшие события. Публичное же выражение разочарования в деятельности Собрания нашло в одной из книг Ризы-кази, изданной в следующем году²³.

региона Российской империи во второй половине XIX в.: «Суд» и исламское право в Оренбургском магометанском духовном собрании. На яп. яз.).

²⁰ *Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn. Āthār: Mamlakatimizda ūlān islām ‘ālimlarīning wa mashhūr kīmsalarīning tarjuma wa ṭabaqalarī, tārīkh-i wilādat wa wafātlarī wa bāshqa aḥwāllarī haqqinda yāzilmish kitābdır.* Казан–Оренбург, 1900–1905. 1–11 жөзөү.

²¹ Подробно см.: Ризаэддин Фәхретдин. Биобиблиографик күрсәткеч / Төзүче Р.Ф. Марданов. Казан, 2003. Б. 47–57.

²² См.: *İslāḥat asāslarī / [Басмага әзерлеүче] Mūsā Bīgīyif.* Пг., 1917. Б. 39–41; Хабутдинов А.Ю. «Голяма жэмгыяте» апреля 1905 г. и проекты реформ Ризы Фахретдина // Инновационные ресурсы мусульманского образования и культуры: Вторые Фахретдиновские чтения: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2011. С. 30–35.

²³ *Riḍā’ al-Dīn b. Fakhr al-Dīn. Rūsiya musulmānlarīning iħtiyājlarī wa ānlar haqqinda intiqād.* Оренбург, 1906. 44 б.

Поэтому в мае 1906 г. Ризаэддин бин Фахреддин подал в отставку с должности члена Духовного собрания и в том же месяце по приглашению знаменитых золотопромышленников-меценатов Мухаммад-Шакира (1857–1912) и Мухаммад-Закира (1859–1921) Рамеевых переехал из Уфы в Оренбург²⁴. Там он сначала стал вторым редактором основанной братьями Рамеевыми газеты «*Waqt*» — одного из самых основательных и авторитетных национальных периодических изданий начала XX в., первый номер которой под редакцией Ф. Карими вышел 21 февраля того же 1906 г.²⁵ А с начала 1908 г. возглавил журнал «*Shūrā*», который издатели Рамеевы создали специально для него²⁶. В Оренбурге Р. Фахреддинов остался до января 1918 г.²⁷, и на этот город, расположенного на стыке Европы и Азии, приходится пик его научно-творческой деятельности.

Приглашение и переезд в Оренбург явились для Риза-кази единственными приемлемой возможностью уйти из Духовного собрания, работа в которой уже не доставляла ему удовлетворения, за что он был бесконечно благодарен своему племяннику как посланнику Рамеевых. Поэтому именно Фатиху Карими и посвятил автор свою биографию (или свои биографии), которая охватывала некоторые важные факты и события из прожитых 47 лет его жизни по лунному календарю.

В краткой вступительной статье нет возможности подробно передать содержание «Биографий» Ризаэддина бин Фахреддина. Здесь отметим лишь несколько моментов, которые представляют особую ценность для исследователей творчества Ризы-кази и духовной жизни мусульман Урало-Поволжского региона в Новое время.

Одна из самых детальных частей «Моей биографии» Р. Фахреддина, а именно главы 4 «*Tahṣīl*» («Образование») (٢٤–٢٠ .ص.), 5 «*Ūqūmish ūlān kitāblarim*» («Изученные мною книги») (٢٦–٢٤ .ص.), 6 «*Ustādhlarim*» («Мои учителя») (٢٧–٢٦ .ص.), 7 «*Kūchirūb yāzdīghim kitāblar*» («Книги, которые я переписал») (٢٨–٢٧ .ص.), 8 «*Adabīyāt ilā iṣhtīghālim wa ghayr aḥwāl*» («Мои занятия литературой и другие интересы») (٣٦–٢٩ .ص.) и глава 11 «*Ham ti ‘allim ham muta‘allim*» («И учащий и учащийся») (٤٧–٤٣ .ص.) посвящены периоду его 20-летней учебы и преподавания в качестве хальфы (*khalīfa*) —

²⁴ См.: Maḥallī *khabar* // al-‘Ālam al-islāmī. Уфа, 1906. 27 май. Б. 6–7.

²⁵ См.: Гайнанов Р.Р., Марданов Р.Ф., Шакуров Ф.Н. Татарская периодическая печать начала XX века: Библиогр. указ. Казань, 2000. С. 71.

²⁶ Мәрданов Р.Ф. Шура журналының библиографик күрсәткече. Казан, 2000.

²⁷ См.: *Fātiḥ Karīmī. Riḍā’ al-Dīn ḥaḍrat kītū* // Yāngī waqt. Оренбург, 1918. 26 февр. Б. 3.

помощника мударриса (до 21 мая 1889 г.) в медресе д. Нижние Шельчели (*Tübān Shalchilī*) Бугульминского уезда Самарской губернии (ныне — д. Нижние Чершилы Лениногорского района Республики Татарстан) (ص. ۲۲، ۲۰، ۱۲), что находилось в 20 верстах от его родной деревни, с указанием почти всех принятых тогда «учебников» и учебных пособий, а также изучаемых шакирдами самостоятельно и переписываемых ими книг и т. д. Такое скрупулезное и точное описание учебного курса и многих других сторон внутренней жизни традиционных учебных заведений мусульман Внутренней России в первоисточниках встречается крайне редко. Не случайно один из издателей настоящей работы на его основе уже сделала попытку реконструкции программы татарских и башкирских медресе 60–80-х годов XIX в.²⁸

Примечательны и суждения самого Риза-кази, бывшего тогда активным сторонником перемен во всех сферах общественной жизни местных мусульман, об устоявшейся учебной программе в медресе татар и башкир, принятых в них педагогических приемах и учебной литературе. Они достаточно критичны: местные мусульманские школы отстали от современной жизни и развития педагогической мысли (ص. ۲۸، ۲۶، ۲۴–۲۳), поэтому не всегда способны дать своим учащимся достаточно качественного образования, пригодного как для осознанного восприятия и усвоения учения Ислама, так и для практической жизни (ص. ۹۷، ۳۴، ۲۶). Поэтому, пишет Р. Фахреддинов, он и сам был принужден, еще будучи шакирдом, а затем хальфой, самостоятельно изучать арифметику (ص. ۴۶، ۲۳–۲۱)، географию (ص. ۳۴–۳۲، ۲۰، ۱۶)، историю (ص. ۲۰) и отдельные части шариата (например, по разделу наследства — *farā'iḍ*) (ص. ۴۰)، а также составлять соответствующие учебники и учебные пособия (например: «*al-Tahrīr al-muṣaffā*») на понятном для его учащихся языке и на основе достижений тогдашней педагогической науки (ص. ۴۷–۴۵). Самообразованием ему пришлось заниматься и выйдя из медресе. В Уфе, например, он научился грамотно писать на родном языке, углубил свои познания по арифметике, истории, географии, арабскому языку, фикху,

²⁸ См.: 磯貝真澄「19世紀後半ロシア帝国ヴォルガ・ウラル地域のマドラサ教育」、『西南アジア研究』76号、2012年、1~31頁 (*Исогай М.* Учебный курс медресе в Волго-Уральском регионе Российской империи: вторая половина XIX в. На яп. яз.); *Исогай М.* Опыт реконструкции программы обучения в традиционных медресе Урало-Поволжья по сведениям Ризаэддина бин Фахреддина // Актуальные проблемы современного литературоведения и литературы, фольклористики и археографии: К 85-летию академика АН РБ, профессора Г.Б. Хусаинова: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2013. С. 318–329.

тафсиру, хадисоведению (٥٦–٥٥ .ص). Особенную горечь у Ризы-кази вызывало то, что в медресе не преподавали русский язык, из-за чего шакирды, в том числе и он сам, были лишены знания нужного в практической жизни государственного языка (٣٥–٣٤ .ص).

В то же время Ризаэддин бин Фахреддин отдает и должное медресе как традиционным учебным заведениям местных мусульман. В исламских школах, например, указывает он, находились и учителя, способные, оприаясь на некоторые учебные пособия, объяснить шакирдам подлинный смысл Корана (٢٨ .ص), прививать им любовь к книжным знаниям и т. д. Не случайно автор любовно хранил в целом светлую память о годах учебы и при возможности посещал родное медресе в д. Нижние Шельчели (٤٩ .ص).

«Моя биография» содержит также уникальные сведения о родословной (٥٣–٥٢ ، ٤٢ ، ١٢–١١ .ص) и детских годах автора (١٨–١٣ .ص.), некоторых чертах его характера и способностях [например, стремление с детских лет своим умом познать причину и суть событий и явлений (١٨–١٥ .ص.), потребность к постоянному самообразованию (٥٦–٥٥ ، ٣١–٢٩ .ص.), любовь к книгам и целенаправленное формирование собственной библиотеки (٣٥ .ص.), слабая память (٣٥ .ص.), толерантность в отношении религиозных разногласий среди мусульман (٣٦ .ص.), трезвость ума и критическое отношение к некоторым сформировавшимся среди мусульман традициям (٤١–٤٠ .ص.), скромность в оценке своих служебных достижений (٦٣ .ص.)], повседневной жизни шакирдов обычного сельского медресе: диспуты по разным вопросам, вера в джиннов и т. д. (٤١–٣٦ ، ٣٢–٣٠ .ص.), хозяйстве и экономическом положении татарских и башкирских мулл (٥٠ ، ٢١ ، ١٣ .ص.), литературной деятельности Р. Фахреддина, его педагогических воззрениях и мировоззренческих убеждениях (، ٤٧–٤٢ ، ٢٣–٢٢ ، ٢٠–١٨ .ص. ٦٤ ، ٦٢–٥٤), отношении современников к некоторым его публикациям (٦١–٦٠ .ص.) и т. д.

Укажем и на то, что в целом Риза-кази писал о многих вещах очень скромно, а некоторые интересные, по крайней мере, для современных читателей из академических кругов, факты и события из своей жизни вовсе оставлял не упомянутыми или не прокомментировал. В отношении ограниченности средств самовыражения, стремлении лишь ситуативно раскрыть окружающий мир и людей его биографические мемуары «Моя биография» во многом схожи с аналогичными сочинениями русских авторов рубежа XVIII–XIX вв.²⁹ Тем не менее особая оригинальность и

---

²⁹ См.: Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX вв.: От рукописи к книге. М., 1991. С. 35.

информационность уфимских биографий Ризаэддина бин Фахреддина побуждают нас к их факсимильной публикации.

Оригинальное сочинение Р. Фахретдинова «Моя биография» и связанные с ним его краткая «Биография» и письмо к своему племяннику наводят нас к разным предположениям о причинах и процессе составления этих документов. Далее один из издателей — Р.М. Булгаков излагает свое видение происхождения указанных первоисточников и приводит свою версию о взаимосвязях между ними. Нам бы очень хотелось, чтобы наши читатели подумали о его выводах и поделились с нами своими наблюдениями по этими важным и интересным вопросам.

Композиция, палеографическое описание, язык рукописи «Биографий»

Оригинал публикуемой ниже рукописи представляет собой подшивку двух школьных тетрадей и одного двойного листа, пришитых к обложке и помещенных в суперобложку. На первой странице зеленой в белую клетку суперобложки — надписи по-татарски: «[!] الدین آحون [!] بو دفته رضا الدین بن فخر» (Эта тетрадь хазрета Ризаэддина бин Фахреддина-ахуна) и по-русски: «Автобиография Риза [!] Фахрутдинова» синими чернилами неустановленной рукой. На четвертой странице суперобложки — торговый ярлык с техническими условиями, утвержденными в 1970 г. Формат суперобложки 23×18 см.

На второй, третьей и четвертой страницах темно-синей обложки школьной тетради № 16 «из торговли Н.К. Блохина в Уфе» — фотографии уфимских учебных заведений. На верхнем и левом поле четвертой страницы обложки тетради — семь строк надписи неустановленной принадлежности чернилами сине-зеленого цвета о содержании текста в ней и роли Ризаэддина бин Фахреддина в его создании: «Биография رضاء الدين حضرت فخر الديين نک ترجمهٔ حالی (Ризаэддина-хазрета Фахреддина)»; (وزیر قولی بلطف) «его собственной рукой» (اوزى طرفدان ترتیب ایتلگەن) следуют «составлена им самим» (Формат тетради 22,4×17,9 см. Факсимиле пропорционально уменьшено до 71% размера оригинала.

Рукопись написана на бумаге одного типа — двойных листах школьной тетради в крупную клетку размером 9 мм с индо-арабской пагинацией и

двойной арабской фолиацией³⁰. Пагинация проведена химическим (чернильным) [?] светло-фиолетовым карандашом в центре верхнего поля страницы (٦٥—١١ ص.) и нумерует только 56 заполненных текстом страниц. Ранняя фолиация проведена до передачи рукописи в архив мелкими цифрами простым карандашом в верхнем внешнем углу нечетных страниц, идет *справа налево по ходу текста* и нумерует только тридцать один лист с текстом на одной или обеих страницах (٦٥—٥ ص.). Поздняя фолиация проведена уже в архиве другой рукой более крупными цифрами простым карандашом в верхнем внешнем углу четных страниц *слева направо против хода текста* и нумерует тот же тридцать один лист с текстом на одной или обеих страницах (٦٦—٦ ص.). Обе фолиации согласны в том, что не нумеруют три чистых с обеих сторон листа: один — между ٩—٨ ص. и два — после ٦٦ ص., однако они не согласны в нумерации двух первых листов рукописи: 31-й лист нумерован как 2-й, а 30-й — как 1-й. Общее число листов в рукописи — тридцать четыре.

Рукопись содержит три разновеликих и разновременных документа, принадлежащих одному автору, но имеющих свои формальные и содержательные особенности.

Первый документ (٦٥—١١ ص.) — «Моя биография» (تَرْجِمَةً) — полный текст. Он начинается титульным листом со всеми реквизитами (заглавием, местом написания и именем автора) кроме даты и заканчивающейся подписью автора. Дата *начала его написания* поставлена в «Предисловии» (سوز باشی): вторник 7 джумада II 1323 г. х. (26 июля 1905 г.) — день вступления Ризаэддина бин Фахреддина в свой сорок восьмой лунный год (٣١١ ص.)³¹, несколько ниже этой важной для него даты автор сообщил: «я испытываю потребность написать свою биографию» (ص. ١١ تَرْجِمَهُ حَالِي يَازِمَق اَرْزُو سِنَدِمَع). На титульном листе автор поместил два стихотворных меланхолических эпиграфа — арабский бейт из антологии «Ал-Кашкул» (*al-Kashkūl*) Баха’ ад-Дина ал-‘Амили (Bahā’ al-Dīn al-‘Āmilī):

---

³⁰ Кроме того факсимile имеет и *издательскую* индо-арабскую пагинацию. Как вышеупомянуто, все ссылки после буквы ص. имеют в виду издательскую пагинацию факсимile, номер строки на странице указан надстрочной цифрой.

³¹ Этот день приходился на среду 27 июля 1905 года Юлианского календаря.

О ты, прежних дней [череда],
Мой лучший мир³²

и тюркский бейт неустановленного поэта:

Мы все уходим, и вы остаетесь [без нас] в некий день.
Умираем, словно не приходили сюда в некий день.

В таком же настроении он и закончил биографию (٦٤-٦٥ ص.) бейтом о молитве (*salāt*) и воздержании (*sawm*), произнесенным смертельно раненным халифом Омаром бин ал-Хаттабом ('Umar b. al-Khaṭṭāb), которого цитирует Ибн ал-Асир (Ibn al-Āṣīr)³³ и отрывком (*qit'a*) о Царстве вечности (*dār al-baqā'*) из «Дивана» (*Dīwān*) Умайи Абу ас-Салта бин 'Абд ал-'Азиза ад-Дани ал-Андалуси ('Umayya Abū al-Ṣalt b. 'Abd al-'Azīz al-Dānī al-Andalusī), «последние произнесенные им слова... которые он завещал высечь на своем надгробном камне»³⁴. При этом он надеялся на то, что она «пожалуй что может оказаться чем-то вроде *подарка* на память *моим собственным детям и внукам*» (كُنْدِي أَوْلَاد وَ احْفَادِهِمْ بِلَكَ بَرْ يَادَكَارْ أَوْلَاهِيَلُورْ)، назвав адресатов «Моей биографии» в «Предисловии» к ней.

Второй документ (١٢١-١٢٥ ص.) — без заглавия — полный текст письма от 27 раджаба 1323 г. х. ³⁵ с подписью, указанием места написания и адресата — Мухаммад-Фатиху-эфенди (محمد فاتح افندي), названному «братьем» (برادر). Автор писал о своем желании сделать адресату какой-нибудь *подарок* (هدیه) (это слово в восьми строках повторяется *четырежды*) в качестве достойного *вознаграждения* (مكافأة اولئك اوزره) за постоянно оказываемые последним услуги и проявляемую заботу (دُوَام ايتكمدہ اولدیغکر خدمت و سعیل). и во время этих размышлений неожиданно для себя решил так: «А каково будет, если я напишу свою биографию и отправлю ее?» (كُنْدِي ترجمَهِي يازُوب) «Вот это — самый подходящий подарок!» (كوندرر ايسهم نیچه اولور ایشته آک مناسب). «Сказал так и, *насточив* эти вот бумаги, отправил их тебе» (دیدم ده) (اوشبُو كاغذلری قارالمگله سکا کوندردم). То есть Ризаэддин бин Фахреддин решил написать свою биографию и *подарить* ее, и он действительно «насточил»

³² بهاء الدين العاملی، تحقيق: الطاهر احمد الزاوي، الكشكول، الجزء الاول، القاهرة: الهيئة العامة لقصور الثقافة، ١٩٩٨ م، ص. ١٥٣.

³³ ابن الأثير، تحقيق: ابی الفداء عبد الله القاضی، الكامل في التاريخ، المجلد الثاني، بيروت: دار الكتب العلمية، ١٩٨٧ م، ص. ٤٤٨.

³⁴ Mac Guckin de Slane (tr.), *Ibn Khallikan's Biographical Dictionary*, vol. 1, Paris, 1843, p. 230.

³⁵ 14 сентября 1905 года Юлианского календаря.

свою «Биографию» (ترجمهٔ حال) (см. ниже — **третий документ**) и отправил Мухаммад-Фатиху именно ее, но не написанную еще раньше «Мою биографию» (см. выше — **первый документ**). **Второй документ** сам по себе является *письмом*, уведомляющим адресата о направленном ему *подарке*, вместе с которым как со своей неотъемлемой частью он представляет собой то единство, какое должно пониматься как *письмо с подарком*.

Третий документ (۸–۷ ص.) — «Биография» (ترجمهٔ حال) без указания места и даты написания и без имени автора и есть собственно *подарок*. Она написана от третьего лица (поэтому в заглавии нет притяжательного аффикса первого лица) и представляет собой *«iqtibās»* (اقتباس) (слово из первого документа: ۱۱ ص.) — адаптацию и цитирование «Моей биографии»: так, например, из **первого документа** было процитировано слово *«tiḥnat»* (محنت): «Перо мое не в силах описать отраду и страдания [прошлых дней]» (۱۱ ص.) (Rahat و محتلى تمام يازمه [!] قلم مقتدر دگلدر) в **третьем документе**: «[Ризаэддин бин Фахреддин] пришел в этот мир — обитель страдания» (بو محنت یورتی اولان دنیا یه کلدی) (۷ ص.). Если **третий документ** своим содержанием восходил к **первому**, то своим происхождением он был обязан **второму**: отсутствие собственных реквизитов — подписи, даты и места изготовления — лишало его самостоятельности и отводило ему роль приложения к последнему, из которого только и становятся известными и время, цель и обстоятельства его создания, и его адресат. Автор скрепил связь двух документов особым способом: он написал красным карандашом на верхних внешних углах их первых листов одно и то же имя *Мухаммад-Фатих Карими* (محمد فاتح کریمی) — имя адресата и **второго документа** — *письма* (۰ ص.) и **третьего документа** — *подарка* (۷ ص.). К **первому документу** непосредственно как к источнику восходил не только **третий**, но и **второй документ**: «Моя биография» стала источником темы для *письма* и источником заимствования для *подарка*.

Второй и третий документы написаны на двух *разных* двойных листах (*бифолиях*), но до передачи рукописи в архив **второй** документ — *письмо* — уже был подшип к первой тетради и был фолиирован в ее составе номерами 2 (правая половина) (۶–۰ ص.) и 17 (левая половина) (۳۸–۳۷ ص.); **третий** же документ — «Биография» — в состав этой тетради не входил, а был просто *приложен* к ее началу с фолиацией только правой своей половины номером 1 (۸–۷ ص.). Именно в таком порядке они и получили свои номера в первой фолиации: лист с «Биографией» стал первым, лист с письмом — вторым. Перед второй — архивной — фолиацией двойной лист с «Биографией» был *вишит* в первую тетрадь между письмом и титульным

листом «Моей биографии», и на этом новом месте получил в архиве номер 30. Так в публикуемой рукописи теперь все три документа идут по ходу чтения *слева направо* в нисходящем хронологическом порядке их *составления*: письмо, подарок и «Моя биография».

Автором всех трех документов несомненно является Ризаэддин бин Фахреддин, но не все они принадлежат его руке. На страницах рукописи видны три разновидности почерка *насх* (*naskh*). «Моя биография» (٦٥–١١ .ص) — это не оригинал автора, а его копия. Она написана тонким и жестким пером ровно по линии письма с наклоном налево пропорциональным, аккуратным, медленным, угловатым, сжатым почерком со смешением восточного (как в персидском, урду и чагатайском языка), западного (как в арабском и османском) и урало-поволжского стиля написания индо-арабских цифр: ср. ፭ и ፯ (6), ፮ и ፹ (5). Это — не почерк Ризаэддина бин Фахреддина. Его почерк — это почерк письма (◦ .ص) и «Биографии» (٨–٧ .ص): они написаны неровно по линии письма, неустойчивым по вертикали³⁶ с наклоном направо средней толщины мягким пером, оставлявшим густо-черный след, более крупным непропорциональным, небрежным, беглым, округлым протяжным почерком, стиль его цифр неизменно один и тот же — восточный для ፭ (4) и ፯ (6) и урало-поволжский для ፹ (5). Этим же самым почерком и пером биограф редактировал «Мою биографию» (в ней только одно добавление было сделано тонким пером и ярко-красными чернилами (٢٠ .ص), а название стамбульской газеты «*Waqt*» (وقت) (١٣٠ .ص) подчеркнуто синим карандашом). Этим же почерком, но только чернильным карандашом он проставил пагинацию на страницах «Моей биографии». Два последних факта — редактирование и пагинация «Моей биографии», написанной другой рукой, — свидетельства авторизации Ризаэддином бин Фахреддином копии собственного не дошедшего до нас оригинала. Титульный лист «Моей биографии» (٩ .ص) ее автор написал крупным и очень аккуратным почерком. К сожалению, публикуемая рукопись не содержит никаких свидетельств того, кем, когда и при каких обстоятельствах эта копия была снята с оригинала Ризаэддина бин Фахреддина.

Свою большую пятидесятишестистраничную биографию Ризаэддин бин Фахреддин разделил на *главы* باب — это слово см.: ٢٤ .ص так, что после

³⁶ Ризаэддин бин Фахреддин, по его словам, «насторчил эти вот бумаги». См. выше — абзац «Второй документ».

девяти нумерованных глав, уместившихся в первой тетради, во второй тетради идут двенадцать ненумерованных.

Все даты летосчислений хиджры и от Рождества Христова написаны цифрами, причем редукция дат хиджры в даты Юлианского календаря нуждается в проверке.

Язык документов публикуемой рукописи представляет собой обычное для произведений Ризаэддина бин Фахреддина того времени явление — тюркская урало-поволжская и огузская (или западнотюркская) лексика имеют преимущественно османскую морфологическую форму с небольшим количеством слов, воспринятых из арабского языка, и еще меньшим — из персидского. Общеупотребительные среди мусульман России арабские слова написаны без вокализации, которая, однако, потребовалась для передачи правильной декламации арабских стихов (٦٤-٦٥ .ص).

Издатели сочли необходимым предварить публикуемое ниже факсимиле всех трех документов рукописи общим титульным листом и оглавлением и составить к ним пять указателей. Выходной частью указателей являются колонцифры страниц данного издания и номера строк на них. В первом указателе — «Заглавия произведений» — сделана попытка установить авторство и заглавия оригиналов произведений, упомянутых Ризаэддином бин Фахреддином по кратким названиям, хорошо известным их читателям его времени.

Ценность факсимиля «Биографий»

Ризаэддина бин Фахреддина

Риза-кази — выпускник хотя и известного, но все же достаточно типичного сельского медресе при мечети д. Нижние Шельчели, в котором в свое время в течение 33 лет преподавал и его прадед имам и мударрис Субханкул бин Бикмухаммад (Subḥānqul b. Bīkmuhammad, ум. в 1808 г.) — был представителем татаро-башкирской мусульманской духовной элиты новой формации. Он, став имамом и кади (заседателем Духовного собрания), а затем, в советское время, муфтием (*muftī*), писателем, журналистом и религиозным мыслителем, одним из первых в Волго-Уральском регионе приступил к самостоятельной и многосторонней творческой деятельности вопреки отсутствию в округе богатых библиотек, а у себя дома — нужных для интеллектуальной деятельности настольных книг, не только поддержки,

но даже и сочувствия властей, прочных связей с признанными культурными центрами мусульманского мира³⁷.

Поэтому предлагаемое ниже факсимиле биографий Р. Фахреддина откроет многим специалистам возможность самим заглянуть во внутренний мир этого неординарного человека, а также понять духовно-нравственные устои всего тюрко-мусульманского интеллектуального мира Российской империи второй половины XIX — начала XX в. Не только вся уникальная информация автора, но и язык, алфавит, бумага, на которых написаны его автобиографические зарисовки, передают атмосферу, даже вкус и цвет той бурной, переломной эпохи в истории самых северных из всех тюрков-мусульман евразийских степей.

Факсимильная публикация полного текста уфимских автобиографических записок Ризы-кази сделает ее максимально доступным для исследователей, не все из которых имеют возможность работать с первоисточником в Казани. Кроме того, она может стать полезным учебным пособием для тех, кто обучается чтению рукописных арабографических текстов на тюркском языке Волго-уральского региона и стремится понять периферийный, «северный» мусульманский мир, который имел много общего не только с Центральной Азией и Османской империей, но и с классической арабо-персидской культурой. В наши дни, когда наблюдается острый недостаток востоковедов с классическим образованием, рукописи Ризаэддина бин Фахреддина могут стать полезным «наставником» для многих начинающих исламоведов.

* * *

Данная факсимильная публикация рукописей биографий Ризаэддина бин Фахреддина появилась благодаря помощи многих наших коллег и единомышленников, всем им за это огромное спасибо. Искреннюю благодарность мы выражаем руководству Национального архива

---

³⁷ См., например: Булгаков Р.М. Муфтий Ризауддин бин Фахруддин искал утешение, обращаясь к остаткам книжной культуры // Башкирская филология: К 70-летию со дня рождения академика АН РБ З.Г. Ураксина. Уфа, 2005. С. 268–283.

Республики Татарстан, любезно предоставившему разрешение на публикацию этого документа и руководству Института языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, любезно разрешившему опубликовать две фотографии Ризаэддина бин Фахреддина, а также И.А. Мустакимову — заведующему сектором научного использования архивных документов и международных связей Главного архивного управления при Кабинете Министров Республики Татарстан — за археографическую консультацию, А.С. Титловой — старшему преподавателю Башкирского государственного университета за помощь в переводе текста вступительной статьи с русского на английский язык. Издание осуществлено в рамках проекта РГНФ грант № 15-11-02022 отчасти при финансовой поддержке JSPS (Japan Society for the Promotion of Science) KAKENHI грант № 24720327.

М. Н. Фархшатов

Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра
Российской академии наук

Исогай, М.

Киотский университет иностранных
исследований

Р. М. Булгаков

Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра
Российской академии наук